

Анна Поршнева

В лесу, на море, в
небесах

Подлинная история избушки на курьих
ножках

12+

Анна Поршнева
В лесу, на море, в небесах.
Подлинная история
избушки на курьих ножках

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63866668
SelfPub; 2021*

Аннотация

Некоторые рождаются Бабой-ягой, некоторые учатся на Бабу-ягу в школах магии, некоторые становятся злобной старухой с течением безжалостного времени. А кое-кто Бабой-ягой притворяется... И что еще прикажете делать бедной Аленке, если из деревни ее гонят за то, что лечит скотину, а единственным другом в лесу становится избушка на курьих ножках? Но если ты смелая и разумная, если у тебя доброе и юное сердце, то и тебя и избушку ждут путешествия и приключения, о которых и не могла мечтать длинноногая девчонка.

Содержание

Часть первая	4
Предупреждение автора	4
Начало	6
Как избушка утварью Аленку снабдила	9
Травоведение	12
Признание	14
Преображение	16
Мечта	18
Как мать поставила	20
Как орлица над орленком	22
Чудесные вечера с самоваром	24
Как Аленка шишиге помогла, а себе помочь не сумела	26
Как родятся водяные	28
Со своей меркой	30
Несправедливость	32
Лирическое	35
Зима в избушке	37
Последствия	40
На паркете	42
Долгожданные приключения	44
Сливки	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Поршнева

В лесу, на море, в небесах.

**Подлинная история
избушки на курьих ножках**

Часть первая

**Подлинная история
избушки на курьих ножках**

Предупреждение автора

1. Все составы зелий, приведенные в повести, являются подлинными. Точные цифры и время сбора трав не приводятся, так как рецепты составляют охраняемую законом интеллектуальную собственность бабы-яги.

2. Читателям строго не рекомендуется применять описанные зелья на практике.

2. Баба-яга не несет никакой ответственности за тех, кто изготовит зелье по ее рецепту и испробует его. Баба-яга не несет также никакой ответственности за тех, кто попытается

летать в ступе, замечая следы помелом.

Начало

Баба-яга, почитай, все одно, что бесприданница была. Из всего движимого имущества у нее были только антикварные ступа с пестом, помело, да пара-тройка кацавеек. Потрепанные юбки и чуньки, а также горшки, кружки и прочие ухваты мы даже и считать не будем. Иногда бабе-яге удавалось провести выгодную коммерчески операцию, и тогда заводились у нее в пыльном уголке, в укладочке, медные монеты да серебряные рублевики. Но деньги у старухи не держались. Она их спускала на новомодные затеи, вроде волшебных стекол для рассматривания блошек, и на сласти, без которых жить не могла. Недвижимого же имущества у бабы-яги не было вовсе.

Как, скажет осведомленный читатель, как так не было? А изнакурнож, она же избушка на курьих ножках? Без нее и Яга не Яга! Так-то оно так, да совсем даже в обратную сторону выходит. Избушка эта никак не могла быть собственно-стью бабы-яги, потому что принадлежала к древнему, и ныне почти вымершему, племени волшебных созданий.

Когда-то много лет назад, устав от вечной неприбранности, насмешек, которыми осыпали ее лешие да водяные (а она им даже ответить не могла, только квохтала обиженно)

да противных жуков-короедов, от которых вечно чесалось внутри бревен, собралась было избушка покончить жизнь самоубийством.

Дождалась, пока над лесом нависла туча, да загромыхало, за дождь припустил, да молнии засверкали, и пошла к лесному озеру топиться. Знамо дело – затея дурацкая. Ну, никак не может деревянная изба потонуть. Даже если и на курьих ногах.

Когда страдалица это сообразила, пала на берегу среди камышей и зарыдала в голос. Только слышит своим чутким ухом, что кто-то ровно подвывает ей. Поднялась, встряхнулась, и на звук пошла. Вглядывается сквозь дождь и видит: сидит на берегу озера девица – ну совсем не красавица. Нос длинный, щеки смуглые, тонкие кудельки ко лбу и щекам липнут, по лицу дождевая вода пополам со слезами льется.

– Ты кто? – хотела спросить избушка, но получилось у нее, конечно, только участливое квохтание.

– Аленка я, – говорит девица, ровно поняла, – а деревенские все больше ведьмищей поганой зовут.

– Ишь ведь, – квохчет избушка дале, – как не повезло тебе девка.

– Да уж, не повезло, – продолжает отвечать Аленка, – кузнец страшал прибить, потому что я на его лошадь вроде бы порчу навела. А она просто клевера объелась и животом маялась. Совсем житья не стало на деревне. Вот, собралась в лесу жить. Только негде мне.

– Так давай вместе жить, коли мы так друг друга понимаем, – предлагает избушка.

– Давай! – соглашается Аленка.

Так и зажили они вместе. И славно зажили!

Как избушка утварью Аленку снабдила

Как огляделась Аленка в избе, так и пригорюнилась. Печка, конечно, справная, с вьюшками, заслонками и кочергой. Дверь хорошая – крепкая, в меру скрипучая. Полы годные. Даже небольшой запас дров на первое время в сенах свален оказался. Но никакой утвари в избе нет. Ни плошки, ни горшка, ни прялки, ни метлы. А в деревню Аленке нельзя – в деревне злющий кузнец дожидается. Совсем было собралась Аленка снова плакать. Да вовремя за ум взялась. Было у нее с собой в платочке с десяток копеек медных. Село торговое верстах в пяти всего. Воскресенье, опять же, завтра. Конечно, Аленке вовсе не хочется тратить последние деньги на горшки да чугуны. Хочется ей ленту красную в косу и пряников медовых. Но делать нечего.

Встала назавтра ранехонько, лицо водой озерной ополоснула, совсем собралась было в дорогу, вдруг слышит – избушка квохчет радостным голосом и лапами землю под себя загребает. Смотрит – а под избушкой три яйца размером с ушат лежат. Одно желтенькое, деревянное, словно бочка сделанное, дощечка к дощечке ровно прилажена. Другое из обожженной глины, голубой глазурью разрисованное, и третье – из серого камня-песчаника.

Выкатила девушка яйца из-под избы, кочергу схватила, в щель между досками у деревянного яйца приладила и взломала. А там – игрушечки, да так ладно деланные – и прялка, и ткацкий стан, и лавки, и столы, и полочки резные, и тачка огородная и даже ложечки малюсенькие. А избышка, знай, поквохтывает, да призывно дверью пощелкивает – мол, иди внутрь, Аленка. Аленка в ладони игрушечки собрала, да в избу и вошла. И тут же упала, потому что игрушечки враз стали расти да тяжелеть. И не успела девушка подняться, как смотрит – вся горница полна саморазных полезных снастей.

Сообразила Аленка, что к чему, и бегом ко второму яйцу. Бить его кочергой очень не хотелось – такое оно было красивое, все голубыми узорами изукрашенное. Но пришлось. А в нем – посудка, разная, много. Еле успела ее Аленка на стол вывалить, как заполнился стол горшками, крынками, чашками да мисками.

Каменное же яйцо и бить не пришлось – лопнуло оно само, а из него ступка с пестиком вывалилась. "Вот, – думает Аленка, – это подходящий размер, это расти не будет". Как бы не так! Поднялись клубы пыли, расчихалась Аленка, глаза протерла, смотрит – стоит у избы ступа, аршина два высотой и пест соразмерный.

Зачем такие нужны? Да никто таким пестом и ворочать-то не может, не то что травы в ступе толочь! На всякий случай попробовала Аленка пест сдвинуть – тяжелый, не поддается.

И девушка призадумалась.

Травоведение

Не сложилось ли из моих рассказов у тебя мнение, любезный читатель, что Аленка умела только горевать и плакать у омута? Нет, не зря выгнали ее из села. Уже давно она изучала всякие травы, с детства выпрашивала старух-ведуний, да пробовала разные зелья, зачастую, на себе. В общем, знала Аленка силу трав и умело использовала свои знания: сводила бородавки и веснушки подругам, лечила скотину, помогала детишкам, когда они животами маялись... Да еще и имела на этот счет кое-какие нетрадиционные взгляды. Например, всем ведь известно, что дубовая кора делает кожу крепкой и эластичной. Так почему бы не найти траву, которая сделает ступу и пест легкими? Так подумала Аленка и решила экспериментировать. Растения, которые для облегчения, были хорошо ей известны: тут тебе и семена тмина да аниса, и кора крушины, и красавка душистая... Правда с красавкой надо осторожнее быть – уж больно сильны ее ягоды, тут и до беды недалеко. Стоп. Не начать ли как раз с самого сильного? И принялась Аленка составлять смеси, готовить отвары да настои, пробовать на ступе разные масляные притирания. Весь день билась, под вечер грибами перекусила наскоро и всю ночь опять молола, толкла, смешивала... И добилась таки своего! Немного красавки, немного дурмана, щепоть аниса, вода с бутонов кувшинки, листья болиголова... Что-то там

еще на пару и барсучий жир для связи. Заискрилась мазь в лучах луны, заиграла голубым и зеленым, и поняла Аленка, что удалось.

Только вот что удалось-то? Бегом во двор, ступу да пест намазать. Вот уже и они засветились среди ночи таинственным светом, а потом – не верит своим глазам Аленка – поднялись над землей да запоскакивали. И метелка из лапчатки, которой Аленка мазь наносила (потому что не дура она такую ядовитую смесь руками трогать) принялась расти и обратилась в огромное помело. Смотрит Аленка – ветка толстая, что рядом со ступой на земле валялась, встала и сама собой к ней заковыляла. Конопляной веревкой связала палку с помелом, да вдруг – сама не знает почему – взяла да и запрыгнула в ступу. Повела помелом, ступа взвилась в небо и полетела.

Эх, вот она какова, вольная воля! Волки внизу бег свой останавливают, совы на лету головы сворачивают, летучие мыши, обиженно пища, бросаются опростетью в сторону от ступы, а которая не увернулась – что ж, прощенья просим. Весело Аленке, и ни капли не боязно. А чего бояться? Чувствует она в себе силу, и даже страшный кузнец ей уже не страшен.

Признание

Но не одни волки да совы в ту ночь наблюдали полет Аленки. Видела его дочь кабатчика Авдотья, ей то ли ночью просто так не спалось, то ли в груди тяжело стало, то ли она в овин к Ваське рыжему бегала – про то я не знаю, а врать не стану. Видела летучую ступу, а в ней Аленку, которую признала по длинному носу, – еще бы, от волшебной мази, летучий снаряд весь сиял. Видела да никому не сказала, хоть была страсть как болтлива. А потому что сама имела надобность в колдовстве, и прихватив по утру корзину, сказала отцу, что пойдет в лес за ягодой, а сама напрямик побежала туда, где ночью ступа приземлилась, к озеру. Смотрит – стоит у озера избушка на курьих ножках, а на крыльце Аленка спит – сомлела так после полета, что до лавки не добралась, так на крыльце и заснула, и даже солнечный свет ей не мешает.

Боязно курьих ног – ну, как наподдадут со всей силы? Да Авдотья не из трусливого десятка, растолкала колдунью и принялась той что-то на ухо шептать. Шепчет, а сама краснеет.

– Ну, – ворчливо говорит недоспавшая Аленка, – ничем я тебе помочь с твоей первой бедой не могу, разве что посоветовать есть побольше капусты. Старухи говорят, от нее

вырастет грудь колесом. А чирьи с мягкого места сведут. Есть у меня травка.

— Буду, буду есть капусту, — радостно кивает головой дочь кабатчика. — А вот тебе тут, держи, холстина, небеленая, правда, да молока кринка, да хлебца с лучком. Прими, не побрезгуй!

— Чего ж мне брезговать, — думает Аленка, а вслух говорит, — Так приходи завтра, да пузырек какой не забудь, хоть берестяной, куда зелье отмеривать будем.

И, сказать правду, не было с той поры у Аленки недостатка ни в питье, ни в еде, ни в шерсти, ни в холстине, ни в какой одежде и обуви. Так что позабыла она даже, как рукодельем заниматься, а ткацкий станок и прялка с тех пор пылились в самом дальнем углу.

Преображение

Вроде бы и хорошо живется Аленке вместе с избушкой. Вроде бы и привольно, и снеди в достатке, даже пряников печатных, и алая коса в ленте завелась, и сапожки козловые, и на тонких берестах записано уже немало новых рецептов зелейных тайными знаками... Вроде бы навела Аленка порядок, повыгнала противных короедов, острым языком отучила всех окрестных леших и водяных над избушкой изгальтаться... А все не то. Чувствует Аленка, что нет к ней уважения настоящего. Чувствует избушка, что знает в чем дело, да как девушке рассказать, не знает – опасается.

Дело-то такое, деликатное. Опасное дело. Молода Аленка слишком, вот что. Слишком худая, да стройная, слишком гладкое лицо да слишком темные волосы. Ей бы скрючится малость, охрометь, покрыться морщинами, потерять пару-тройку зубов да отрастить нос подлинней. Хотя нос у Аленки подходящий и многообещающий, но еще не тот. В общем, надо Аленке постареть. А как ей об этом скажешь? Еще обидится, да и уйдет совсем, а терять такую подружку изба не намерена.

Однако ж стала обиняками да намеками подкудахтывать, что, дескать, молодым ведьмам в лесу опасно одним жить. Что настоящей бабе-яге завсегда и сподручней, и уважения от прочей нечисти больше, и слава о ней дальше расходит-

ся. Вода камень точит. Потихоньку Аленка сама стала склоняться, что старухой быть куда выгодней. Но враз ведь постареть нельзя? Постареть нельзя, зато можно перекинуться. Скинула Аленка одежду, натерлась ореховым маслом, да и перевернулась через гребешок деревянный. И стала старуха хоть куда. И сарафан ее расшитый превратился в бесформенную юбку, а душегрея - в кацавейку заячью лохматую. И даже лента алая в грязный платок обернулась. А избушка рада-радешенька и кудахчет что-то одобрителное.

Стоит Аленка посередь горницы, как вдруг стук в дверь – очередная девка за приворотным зельем пожаловала, яиц десяток в платочке принесла. Увидала старуху страшную, завизжала, закричала:

– Ахти! Баба-яга нашу Аленку в печи испекла и съела!

Вздохнула девушка, да делать нечего – знать, быть ей теперь старухой на веки вечные.

Мечта

Аленка была девушкой рациональной и особо ни о чем не мечтала. Если и задумается порой, как бы придумать какое-то зелье, так тут же достанет горшки муравчатые, да травки сушеные, да печку растопит и начинает зелья варить – пробовать. И не остановится, пока результата не достигнет.

Иное дело избушка. Избушка была мечтательницей. Любила посидеть, вглядываясь своим макушечным глазом – печной трубой в ночное небо и считая созвездия, так что потом весь день ходила сонная и зевала во всю дверь. Любила прогуляться к озеру и полюбоваться на пляски полупрозрачных дев-водяниц. Любила понаблюдать за играми волчьих щенков или бельчат. И, как у всякой мечтательницы, была у нее великая тайна: избушка хотела летать. Часто виделось ей, как крыша превращается в огромные крылья и уносит ее в чудесные новые земли. Или, например, представляла она, как курьи лапы обращаются в чрезвычайно быстрый пропеллер и поднимают ее аж до самой луны.

Но избушка, кроме всего, была скромницей. Так что ее мечты обычно заканчивались мыслью о том, как смешно и нелепо выглядит летучая избушка, да еще и на курьих ножках. Так что никому избушка о своих чаяниях не рассказывала. И даже Аленке, хотя та могла бы, наверное, их исполнить. Могла бы, точно! – понимала избушка, но при мысли,

что сначала остроумная ведьма обсмеет ее с лап до крыши, сжималось робкое сердце и слова застревали в горле. В горле? Блин, а как оно называется – то, чем кудахчет избушка на курьих ножках? Устьем она кудахчет, что ли? В общем, сжималось устье.

А Аленка, вечно занятая своими серьезными делами, об избушке не много думала. И о чем та вздыхает на вечерней заре, совсем не догадывалась.

Как мать поставила

Вообще-то избушки на курьих ножках издавна с бабам-ёгами в симбиозе живут. Никто даже уже не помнит, как так получилось. Так что Аленка у избушки не первая лесная ведьма была. Прежде избушка жила с древней мудрой старухой на самом краю три-десятого царства, где, как известно, обретается Кощей бессмертный. Место было бойкое, проезжее, и не было ни бабе-яге, ни ее жилищу никакого покою. Что ни день прискакивал добрый молодец верхом на лихом коне, или буром волке, или даже на своих двоих за клубочком волшебным прибегал, топал ногой оземь и кричал:

– Избушка, избушка! Встань по-старому, как мать поставила! К лесу задом, ко мне передом! – и приходилось избушке, даже если она была спросонья и мало что соображала, поворачиваться к молодцу своей единственной дверью. А там, естественно, растапливать баньку, кочегарить печку, помогать бабе-яге мыть и потчевать заезжего героя.

Покрик этот избушке страсть как не нравился. Во-первых, что значит по-старому? Избушка испокон веков стояла так, как ей нравилось – окошками в тенек, крыльцом к солнышку, то есть в течение дня крутилась вслед за светилом. Во-вторых, как это – к лесу задом? Кругом ведь лес, со всех сто-

рон чаща непролазная! А молодцы эти набегали и с севера, и с юга, и с запада. Только с востока не набегали – на востоке жил Кощей, от него никто еще живым не выбирался. В-третьих, кто им сказал, где у избушки зад, а где перед? Она сама до конца не знала. Ходить предпочитала по ветру, а какой стороной – ей было абсолютно все равно, потому что со всех сторон водились у нее глаза-сучки. В общем, несли добрые молодцы полную чепуху, да еще и верили, что знают, как с избушками да бабами-ёгами разговаривать. Гаркали постоянно и грозили здоровенными кулаками.

Немудрено, что бабе-яге все это однажды надоело. Заперлась она как-то и три дня зелье варила пахучее да летучее. Потом вылезла, распрощалась с избушкой и велела ступе нести ее в далекую страну Италию. Избушка погрустила, да и пошла, куда глаза глядят, пока с Аленкой не повстречалась.

Баба же яга опустилась на морском берегу, среди итальянских сосен, натерлась зельем и обернулась прекрасной лесной нимфой. Говорят, увидел новоиспеченную красавицу какой-то подмастерье художника, вернулся и нарисовал углем на стене. Говорят, увидел его рисунок мастер, и началось с тех пор в Италии Возрождение. Врут, поди. А ступа с пестом сейчас в римском музее находятся. Считаются артефактами позднего неолита.

Как орлица над орленком

Избушка на курьих ножках... Хотя, собственно, почему именно на курьих? По мнению самой избушки ноги ее больше всего напоминали совиные или орлиные. Они были когтистые, сильные и хваткие. Если бы избушка не боялась побить горшки и миски, она бы запросто на таких лапах могла вскарабкаться на высокую столетнюю сосну, чтобы ринуться оттуда вниз и наконец проверить, умеет ли она летать.

Так вот, избушка на бог-знает-каких ногах опять снесла яйцо. Снесла и копошилась над ним, по-родительски подкудахтывая.

Избушке было страсть как интересно, кто на этот раз вылупится из такого симпатичного, золотистого, гладкого и блестящего яичка. А дитя не торопилось. Дитя ждало. Ждало день, ждало ночь, ждало пару дней и пару ночей, уже полнедели ждало. У избушки даже пар из трубы повалил от нетерпения. Избушка сердито рыла землю своими, так похожими на орлиные, ногами. Избушка нервничала. И тут пар пошел из яйца.

Вернее, сначала появилась тоненькая, еле заметная, трещинка, а потом в ней стал просачиваться ароматный пар, сперва легкой струйкой. Но трещинка все расширялась, пар

вырывался все вольготнее, пока яйцо, наконец, не треснуло, и все вокруг не заволгло белым туманом. Когда туман рассеялся и прояснели запотевшие избушкины окна, она разглядела, что на поляне посреди скорлупы стоит матерущий ведерный самовар. И уже кипящий. То-то радости было!

Оно и понятно: какая жизнь без самовара? А с самоваром как раз начинается самая замечательная жизнь!

Чудесные вечера с самоваром

С самоваром, конечно, жизнь замечательная. Но когда посреди леса заводится избушка на курьих ножках, в которой есть чудесный самовар, и пряники печатные, и сахарные крендельки, и яблочки моченые, и, самое главное, многозначущая крючконосая старуха, поневоле в избушку потянутся гости. Первыми заявили старые и наглые лешие, которые даже малинки в дар не принесли, а сразу стали жаловаться в десяток голосов на то, что у них в ухе дюже стреляет, поясницу ломит, суставы крутит и в горле першит. Аленка повздыхала и выдала им всем по ложке патоки, смешанной с серой. Леших тут же пробрало и они бросились, не попрощавшись, в кусты. А так как пробрало их знатно, лешие решились, что новая баба-яга крепко знает свое дело. И рассказывали обо всем водяному.

Водяной, мужчина видный и солидный, пришел не просто так, а принес шкатулку, полную ровного жемчуга и водяную лилию. Аленка засмушалась, что, правду сказать, выглядело довольно смешно, потому что смешно, когда столетняя сторбленная старуха краснеет и прячет глаза, глупо хихикая. Водяной понял аленкино смущение по-своему и поспешно объяснил, что услуги повивальной бабки ему пока (ну, до октября, по крайней мере) не требуются, а к нужному вре-

мени он пришлет бабке и серебра в пропорции.

Аленка оправилась от смущения, приняла серьезный вид и строго сказала, что меньше, чем за пять рублей, она водячат принимать не согласная. Водяной, привыкший мерять деньги кисетами, несколько опешил и задумался. Потом решил, что, видно, ведьмам положено жить в строгости и аскетизме, и согласно кивнул головой. Аленка очень радовалась удачной коммерции.

Последней в избушку прокралась молодая и донельзя застенчивая шишига. Была она известна тем, что могла обернуться хошь девицей-красавицей, хошь козочкой быстроногой, хошь комком лохматых водорослей. Шишига о чем-то хотела спросить бабу-ягу, да не решилась. Только выпила пять чашек горячущего чаю и сжевала от смущенья целый тульский пряник.

Так с тех пор и повелось: каждый вечер к Аленке кто-то заглядывал с разговорами, просьбами, сплетнями и подарками. И самовар гудел до самой ночи, не переставая, у крыльца, обдавая куриные ноги ароматным паром.

Как Аленка шишиге помогла, а себе помочь не сумела

А мечтала шишига о простом. Мечтала шишига быть деревенской девкой, выйти замуж за деревенского парня, нарожать ему детишек, стирать ему рубахи, варить щи и печь хлеба... О несбыточном мечтала шишига, ибо была она нечистью лесной, без души, да даже и без постоянной формы. Много вечеров просидела она у Аленки, много чаю выхлебала, много пряников сжевала, пока, наконец, не решилась признаться. Баба-яга возмущенно фыркнула и не стала обнадёживать шишигу, а сама опечалилась. Жалко ей стало несчастную тварь, жалко ей стало и себя, которой тоже теперь обыкновенное бабье счастье заказано, а как помочь – не знает. Думала день, думала два, думала три. Сон потеряла, все думала. Избушка обеспокоилась и стала тихонько ворчать, что негоже, мол, три ночи не спать.

– Отстань, – огрызается Аленка, – не видишь, что ли, сна – ни в одном глазу!

– Как же без сна! – кудахчет – не отстает избушка, – без сна ни человеку, ни бабе-яге, ни даже мне, деревянной избе, невозможно. Во сне и отдохнешь, и похорошеешь, и сказку какую добрую увидишь...

Аленка спать не легла, а, совсем наоборот, принялась, как

безумная, по избушке бегать и разные холщовые мешочки с травами с полок подхватывать. И до утра варила что-то темное да вонючее.

Весь день проспала, а к вечеру через птиц да шмелей дала знать шишиге, чтоб приходила.

– Сделать тебя девкой я не могу. А прожить жизнь человеческую помогу. Только будет она не наяву, а во сне.

Шишига как поняла, так сразу схватила кружку с зельем, глотнула и свалил ее странный сон. Вроде бы и сон, но все – такое всамделишное, такое настоящее. Вот она девка, обыкновенная девка с курносым носом и не слишком густой косой. Вот к ней на вечерке подходит соседский парень Мирон да приветные слова заговаривает, вот он засылает сватов, вот и свадьба, вот уже она брюхатая ходит, вот совсем скоро рожать – и проснулась.

– А дальше? – и тянется к зелью.

– Дальше потом. Опасное питье, не чаще раза в месяц пить можно, – отвечает Аленка.

С тех пор зажила шишига двойной жизнью и была, кажется, вполне счастлива. Несчастлива была только баба-яга. Умна была слишком, хорошо понимала разницу между сном и явью, потому и зелье ее волшебное ей помочь не могло.

Как родятся водяные

Когда Аленка – молодая баба-яга храбро пообещала Водяному, что за серебряные рублевики будет принимать роды у водяниц, она, конечно, втайне надеялась, что делать этого ей не придется. Ну, мало ли – вдруг станет Водяной бесплодным. Или переберется она вместе с избушкой куда подальше, к Черному болоту, например. Но впоследствии оказалось, что у Черного болота своя баба-яга живет, злющая да неуживчивая, а у Водяного со здоровьем все в порядке.

И вот как-то теплым июньским утром вынырнул из лохани, в которой баба-яга обычно ноги на ночь мыла, маленький водянчонок и запищал тонким капельным голосом. Из писка после недолгого замешательства старуха поняла, что вот-вот у водянчонка появится братик. Или сестричка. Так что, бабушка яга, поспешай и специальный инструмент взять не забудь. А какой инструмент – не сказал. Плюхнулся обратно в лохань и был таков.

И пропала бы репутация неопытной бабы-яги ни за грош, если бы не избушка. Со своей старой хозяйкой она всякие виды видала, и знала, что для этого случая потребна специальная спица, сделанная из таинственного дерева ясеня, корни которого спускаются до самого мира мертвых, а ветви поднимаются прямо к животворящему солнцу.

Схватила старуха спицу и припустила к озеру. Смотрит – а там, на отливающей молочным перламутром отмели лежит водяница и охает. А из живота у нее тянется-извивается ниточка, и из конца этой ниточки вырастает большая капля, в диаметре не меньше семи пядей будет. Капля лежит на поверхности воды и не тонет, а внутри у нее что-то движется и переливается.

Страх взял Аленку, да ненадолго. Смело подошла она к пузырю и, как учила избушка, осторожно проткнула его с восточной стороны. И пузырь лопнул, точно мыльный, а на месте пузыря оказался маленький полупрозрачный младенец. Тотчас из озера выскочил Водяной со всклокоченной от волнения пенной бородой, схватил ребятенка, закутал в эту самую бороду, подхватил водяницу другой рукой и скрылся в глубоком омуте.

"Обманул!" – решила баба-яга, – "Пожалел рублевики, жадный черт!". Но тут из воды высунулся давешний водяничонок и с поклоном протянул бабе-яге два шитых серебром кисета. В одном из них были самые настоящие, неподдельные рубли, а в другом – крупные зерна речного жемчуга.

Рубли баба-яга спустила на ярмарке на всякие забавы и разношали. А жемчугом выложила на двери особый знак – избушке почет и уважение.

Со своей меркой

Баба-яга любила ходить на базар со своим аршином и своей гирей. Нет, покупать она там ничего не покупала – ей хватало того, что приносили бабы за гаданье, приворотное зелье и лекарственные снадобья. Баба-яга обожала собачиться с приказчиками. Отмерит себе сукна нижегородского десять аршин на юбку, достанет из недр своей безразмерной кацавейки деревянный аршин (и как он там помещался, ума не приложу) и давай перемеривать.

Естественно, поларшина не хватает. Приказчик-то – не дурак, свою выгоду блюдет: пока ткань отвешивает, пальцами ее растягивает. Да и мера у него подточенная.

– Ах ты такой-сякой, песий сын, ворюга беспрозванная, – голосит на весь базар яга и, потрясая обоими аршинами – своим и приказчиковым, показывает всему честному народу, что ее аршин на полпальца длиннее.

– Сама отстань, карга старая, ведьма проклятушая, и аршин твой колдовской неправильный, – не отстает приказчик. Бывает, что на шум выскочит из глубины лавки сам купчина. И невелик он чином – всего только третьей гильдии купец, зато брюхом обширен. И начинает он этим своим брюхом бабу-ягу к выходу теснить. Да не на такую напал! Тыкнет,

бывало, яга его в пузо своим когтем острым, закаленным в боях, и сдуется купчина. С лица побледнеет, задышит тяжело, и кивнет приказчику: мол, давай потише. А то и поднесет яге платочек какой с каемочкой да бахромой.

Возвращается яга домой вся в прибыли, довольная приятным разговором и подарками.

А что же это я про Аленку не пишу, а пишу про какую-то бабу-ягу постороннюю? Да вот как-то так случилось-приключилось, что жила себе Аленка в лесу не три, а целых тридцать три года. И однажды, чары скинув, и глянув в зеркало, обнаружила она, к своему неудовольствию, что теперь оборачиваться старой ведьмой ей вроде и ни к чему. Но долго не печалилась, так только, подивилась – как быстро годы летят.

Несправедливость

Если бы у лешего спросили, чего он сидит у мшелого пенька и куксится, чего не шастает по лесу и не пугает девок, которые во множестве в это время года в лес по грибы бегают, леший бы только угукнул обиженно. Но при этом подумал бы с тоской, что нет в мире справедливости. Вот возьмем змеев. У нормального змея всегда есть река Смородина, Калинов мост, богатырь и меч-кладенец. Все для веселой жизни есть у змея! Или возьмем водяного. У него огромный дворец в реке выстроен, в нем молодые девки-утопленницы его танцами веселят, жемчуга размером с яйцо в хрустальных ларцах лежат, и все купцы проезжие ему кланяются. Кто гусельками яровчатыми, кто крытой парчой шубой, кто собольей шапкой. Или возьмем бабу-ягу. Вот эту новую, шуструю, возьмем, что и полста лет в лесу не прожила, а уже во всем свои порядки устроила. И водяной к ней на поклон ходит, и веснянки ее слушаются, и даже наглая древняя шишига уважает.

А леший и того пуще. Влюбился леший в шуструю ягу, едва увидел ее длинный нос и острые, по-девичьи любопытные глаза. Бродит леший вокруг избушки на курьих ножках: то букет васильков под ручку дверную сунет, то душистой лекарственной травки на поляне рядом вырастит, то лукош-

ко орехов под крыльцом оставит. А яга не замечает его стараний. Разве что иногда угостит чаем с пряником, да попросит меду от диких пчел набрать. Даже не улыбнется ласково. Так только, по древнему яговьиному обычаю, цыкнет зубом неопределенно, не поймешь – то ли довольна, то ли сердится.

Как-то совсем невольно стало лешему. Набрался он смелости и пошел к лесной чаровнице в чувствах признаваться.

– Чего пришел? – яга варила какое-то зелье и от того была страшно занята. – Чего у порога мнешься? Живот, что ли, опять прихватило?

– Я того. Я только спросить, – шепчет леший, от ужаса ставший цветом точь-в-точь молодые майские листочки на липе. – Не желаешь ли совместно жить? Вдвоем оно того, сподручнее...

– Куда ж я тебя помещу? – мимодумно соображает яга, – полати у меня узкие, лавки тесные, разве в погреб... Да там ты, небось, плесенью порастешь. – Потом опомнилась, конечно, сплюнула и ругнулась в сердцах, – ах ты, такой-сякой щучий сын! Какая мне с того польза, что ты в моей избе шастать будешь, под ногами путаться. Еще склянку какую разобьешь. А ты знаешь, сколько склянка на базаре стоит?

– Не знаю, – еле слышно шепчет леший.

– Две копейки! А на две копейки можно целый фунт пряников печатных купить или пол головы сахарной!

При мысли о таком небывалом богатстве леший совсем сник. Понял он, что никак бабе-яге не соответствует – прост слишком, да и туповат. Вздохнул и поплелся обратно в лес.

Баба-яга, однако, хоть и заботилась о варимом зелье, кой-что заметила. И в следующий же раз, как леший к ней пришел накормила его салатом из побегов ревеня и одуванчикового корня. Через это снадобье лешего сначала беспричинный смех пробрал, потом горькие слезы одолели, а потом встряхнулся леший, приосанился, и всю любовь как рукой сняло. Так что в тот же вечер он, довольный, гонял глупых девок по лесу, хватая их мохнатыми цепкими пальцами за голые икры.

Лирическое

Как-то осенью сидела Аленка, теперь уже окончательно баба-яга, на крыльце избышки, смотрела в синее высокое небо и мечтала. И избышка тоже смотрела в синее высокое небо и мечтала.

В небе тянулись к югу стаи перелетных птиц, разнообразными выкриками волнуя сердца. Вот летят высоко-высоко клином не то гуси, не то лебеди, и кричат что-то сварливо.

"Ах! – думает Аленка – вот бы приручить этих гусей-лебедей да и послать в какую-нибудь деревню, чтоб они там выбрали мальчика покрасивше да покудрявей и принесли бы этого Ивашечку ко мне. Я бы ему яблочков дала, малинки сушеной, он бы в сенях играл и смехом меня радовал". Мечтательные картины на мгновение мелькают перед взором яги, но тут же уступают место жестокой прозе. "Ну, вот принесут они мне этого Ивашечку. – рассуждает баба-яга, – а он поднимет рев. Ну, успокою я его. А он расшалится, все мои котлы перевернет, все мешочки с сушеными травами перепутает, все скляночки с зельями разобьет. А потом все равно в рев кинется. Я ведь ему не нужна. А нужна ему какая-нибудь тонкогубая горластая Варвара, баба бойкая и сметливая, да грязноногая сестрица с вечно замызганным дорожной грязью подолом. Придут они ко мне в избу отнимать Ивашечку,

скандал учинят, еще придется сниматься с места и перебираться куда-нибудь к Кузькиному болоту. Ну их, мечты эти. Пойду лучше пряник съем."

А избушка мечтать продолжает и все мечтает об одном, о заветном. Как проклюнутся у нее однажды на заре крылья, как поднимется она в чистое небо и полетит вольно, куда захочет. Мир поглядит, себя покажет. Увидит далекие синие горы, и пустыни, и море-окиян увидит, и даже дивного зверя индрика, наверное, увидит. И так мечтает избушка от зари до зари, провожая туманным взглядом перелетные стаи, пока не падет на землю первый иней да не позахрустывает в лужах первый лед. Тут уже не до мечтаний. Тут надо дровами топиться да тепло в горницу подавать, а то хозяйка осерчает.

Зима в избушке

Зимой в избушке, особенно когда несколько дней подряд идет снег и заметает по самые окна, тоскливо и скучно. Ни баба не прибежит с узелком, в который завернуты яйца, половина запеченного гуся или крынка свежих сливок да сдобный сметанник. Ни леший не зайдет поделиться свежими сплетнями про водяного и веснянок. Ни прохожий молодец не заглянет вслед за волшебным клубочком в поисках Василисы или Марьи Моревны. Только волки воют да лоси приходят рога об углы сруба поточить.

Очень скучно бабе-яге. Очень скучно избушке. Все разговоры по десять раз переговорены, все истории по десять раз пересказаны, все шишиги в округе по десять раз обсуждены.

А избушке, вдобавок, еще и не пошевелиться, как следует. Не повернуться за солнышком, ноги не размять – глубокий влажный снег мешает, вволю вздохнуть не дает. Баба-яга томилась-томилась, да и придумала. Встала спозаранку, взяла лопату и принялась снег вокруг крыльца разгребать да ровной горкой приминать. До самого полдника трудилась. В полдник развела самовар, заварила малинки да сухарями с печеными яйцами подкрепилась. Затем принялась мазь разводить. Вонючую! И скипидаром от нее несет, и маслом ка-

менным, и жиром барсучьим. Избушка аж расчихалась, поднявши клубы пыли с давно не чищенных половиков, отчего расчихалась уже баба-яга.

Далеко уж за полночь повалилась спать старуха, не сняв даже валенки и кацавейку, да даже платка не сняв. А утром, чуть солнышко в окно постучалось, вскочила бойкая, как ни в чем не бывало, и побежала курьи лапы мазью мазать. Хотела было избушка возмутиться, да яга рта открыть не дает, покрикивает:

– Стой смирно! Я добра тебе желаю! – и знай натирает когти и пальцы вонючим зельем. От зелья сначала жарко стало, потом зачесалось между пальцев, а потом произошло чудное – когти выросли в длину, аршин не то на десять, не то на двенадцать, переплелись и превратились в лыжи. Прямо вверх по склону выехала избушка из снежного плена и айда на реку, кататься! Баба-яга на крыльцо выбежала, ветер свистит в ушах, изба несется, старуха по-разбойничьи посвистывает...

Водяной глубоко под речкой проснулся от того, что водянята все криком кричат от восторга, за пируэтками избушки снизу наблюдая. Осерчал, конечно, но что он будет делать? Не станешь же с ведьмой лесной ругаться, себе дороже, да и лед толст – не пробить его, не подняться наружу, чтобы учинить скандал.

Лешие на берега реки собрались, радуются невиданному зрелищу.

Дед Пахом, выехавший с утра к дальнему стогу за сеном, да лошадка его пегая вместе рты открыли, дымящую, свистящую и резво скользящую избу увидав.

Далеко ли бы зашли эти безобразия, не знаю, да баба-яга вовремя остановилась. Версты до деревни не доехав, повернула избу назад.

И только об одном грустила, засыпая, что нету второй яги в округе, чтобы гонки устроить и лучшую беговую избу в честной борьбе выявить.

Последствия

Гонки на избушке на ножках-лыжах по ледяной реке в распахнутом полушубке с разбойничьим присвистом – конечно, занятие привлекательное. Особенно, если в душе ты молода, как семнадцатилетняя девчонка. Но душой ты можешь быть молода, а телом – уже не очень.

Так что следующим утром у яги начало стрелять в ухе, к полудню запершило в горле, а к вечеру поднялся неудержимый кашель. И сварила бы себе она лекарственное зелье, да одолел ее жар и застил всякое понимание. Лежит яга на полатях, все тело сотрясает дрожь, и кашляет так, что избушке становится страшно.

От страха вспотела избушка и покрылось вся снаружи и изнутри бледно-желтой смолой. И дрова смолой покрылись, и шайки, и ушаты. Как только дрова покрылись смолой, так выросли у них крепкие ноги-сучья и начали дрова сами собой в устье печки бросаться. И у ушат выросли ноги, и погнали ушата к реке, и нырнули в полынью, и выбрались с помощью коромысла обратно, и вылили воду в котлы, а котлы поставили на плиту, так что вода зашумела, забулькала, закипела.

– А ну, вставай, – кудахчет повелительно избушка, – скидавай одежду, иди на кухонную половину, парить тебя буду!

В кухне уже на полу чистое полотно постелено, на лавке

ушаты с водой стоят, такой горячей, что едва вытерпеть можно, а от котлов, что на плите стоят, пар клубами поднимается.

Совсем не может шевелиться яга, еле с полатей сползла, кой-как скинула фуфайку, юбку да рубашку и, опираясь на метлу, дотащилась до ушатов. А избушка снова потеет-старается, теперь янтарной лечебной смолой и по всей кухне стоит хвойный крепкий дух. Веник банный с крючка сорвался, на котором прежде тих-мирно висел, и принялся ягу хвостать. А печка старается, поддает пару, а смола духмянится, и еще в углу в крынке горячее молоко с медом да шалфеем само собой деревянной ложкой замешивается.

Выпарилась яга, полную крынку молока выпила, оделась в чистую рубаху и обратно на полати забралась. И заснула сном богатырским. Полтора суток спала яга, а после проснулась бойкая и здоровая.

Правда, кататься по льду на избушке не перестала. Завела только моду и зимой и летом ходить повсюду в наглухо застегнутой кацавейке на заячьем меху. На всякий случай.

На паркетe

Иной раз к бабе-яге заглядывали неожиданные гости. Вот как-то по осени заглянул Кощей Бессмертный (и что он делал в нашей глухомани, ума не приложу) и принялся соло-вьем разливать о превосходстве французских мадам над русскими бабами.

– О чем, – говорит, – здесь, в России, можно с бабой поговорить? Ну, разве что о шах. А в чудном городе Париже в раздушенном будуаре сидят прелестные маркизы и графини, и с ними, хочешь, – о Корнеле, хочешь, – о нежной страсти, хочешь, – о новейших открытиях в астрономии спокойно беседу вести можно. Такие они разумницы!

Баба-яга покряхтывает, но сдерживается – политес соблюдает.

– Да к тому же они и прелестницы, каких нигде больше не сыскать! Ножка маленькая-маленькая, узенькая, в шелковую туфельку облаченная, стройненькая! Совсем не как у наших бабищ торчит толстая голяшка над лаптем, а то и без лаптя широченная грязная ножища из-под сарафана выглядывает.

Баба-яга косится на свои ноги, в аккуратные чуньки обу-тые, и зачем-то начинает одергивать юбку.

– А какие искусницы в амурных делах! Ты только представь себе, придумали специальный язык вееров, чтобы с кавалерами общаться. И умеют же изобретательно мушку на лице приклеить, какая – на щечку, какая – над верхней губой, какая – в ложбинку на груди, так что без слов все понятно.

Тут баба-яга не стерпела. Схватила с полки корчагу с сушеными мухами, которых для разных надобностей колдовских держала, и говорит Кощею:

– Ну дак муху прилепить это и мы можем. Хошь на лоб, хошь на нос, а хошь – на пятку. Крепко прилепим, не отвалится!

В общем, оскрамилась перед важным гостем.

Тут бы, кажется, и сказке конец, да той же зимой Кощей опять в Париже побывал. И сильно восхищался одной прелестной маркизой. И платье адриенн самых модных цветов она с таким изяществом носила, и башмачки у нее на ножках были невероятно узенькие, и о новых пьесах Комеди Франсез она с таким пониманием рассуждала, и романсы пела высоким приятным голосом, и в карты играла, и флиртowała отменно. В общем, прелесть, а не маркиза! Разогнался как-то Кощей за ней поухаживать, и только ей свою любовь галантными словами в картинах представил, как взглянула она на него с усмешкой и зубом цыкнула. И тут Кощею что-то показалось. Да не может быть! Нет, точно показалось!

Долгожданные приключения

У избушки сердце замирало, когда она мечтала о дальних странах и дивных приключениях. А у бабы-яги сердце замирало, когда она изобретала новое зелье. Поэтому с раннего утра уходила бабка в лес собирать травы, пока не пала первая роса. А избушка оставалась сторожить хозяйство, и в общем это ей удавалось. Удавалось, главным образом, потому что никто на хозяйство не посягал. Разве что иногда прискакивали белки или прибежали бурундуки и пытались украсть орехи, которые висели прямо за входной дверью у притолоки в холщовом мешке. Избушка чутко погромыхивала ухватом, и звери утекали обратно в лес.

Но однажды утром, когда избушка, одна-одинешенька, мирно подремывала на раннем, еще не жарком, а приятном, солнышке, к ней подошел разбойный человек. Это избушка сразу поняла, потому что он грохнул огромным кулачищем по ее сонной двери и гаркнул:

– А ну, ведьма старая, выходи! Ответ держать будешь!

Не дождавшись ответа, он засунул в дверную щель острие топора и налег со всей силы. Дверь тут же распахнулась, ибо была не заперта – от кого запирается-то в лесной глуши? Лесные да медведи ягу уважали, прочие – побаивались. Разбойный человек охнул и всем задом грохнулся на крыльцо. Дос-

ки жалобно скрипнули, а изба окончательно проснулась и малость испугалась, не понимая, что делать.

Между тем разбойный человек зашел внутрь и принялся шарить по всем углам. При этом он отчетливо думал черные мысли о том, как разорит ведьминское гнездо, добудет сокровища, а всю эту рухлядь пожжет вместе с избой. Из сокровищ у яги в тот момент имелись три стеклянные голубые бусины, которые она на шелковом шнурке повесила на грудь, да с десятков вышитых рушников, которыми снабжала ее добрая, но не слишком умная поповна, не понимавшая, что ей не с руки якшаться с нечистью.

Так что разбойный человек ничего стоящего (по его мнению) не нашел, со злости собрал все пузырьки, вытащил их из избы, грохнул оземь и принялся топтать ножищами. Все, как есть, склянки разбил, аспид! Только избушка надумала дать ему под зад когтистой лапой и прогнать пинками вон, как от разбитых пузырьков стал подниматься густо-зеленый приятно пахнувший дым и окутал все вокруг. Вскоре дым развеялся, но только злоумышленника на поляне больше не было, а торчал вместо него какой-то голый сухой чурбан.

Тут и баба-яга вернулась с травами. Выслушала избушкино взволнованное квохтание и очень огорчилась. Во-первых, жалко ей было склянок, потому что их теперь придется покупать на базаре, а денег яга копить не умела. Во-вторых, по-

нимала старуха, что ни в жизнь она не сможет повторить состав того дивного зелья, которое разбойного человека в чурбан обратило.

Но погоревала не долго. Делом надо заниматься – сигнализацию совиную вокруг поляны заводить, оберегать верную избушку и хитрые снадобья от новых приключений.

Сливки

Что за боярыни заглядывали в старые времена к бабе-яге! Лицом белые, статью дородные, идут, что утицы плывут, с ними в сопровождении всегда брат в шапочке, кунным мехом отороченной, хлыстом пощелкивает да сенная девка. Поклонятся, бывало, в ноги со своей просьбой, и с перстов длинных драгоценные кольца снимают, почтительно старухе из рук в руки передают. А сейчас что?

Сидит перед ягой барынька, тонкая, как ивовый прутик, зато платье на ней колесом. Грудь голая выставлена, едва козынькой прикрыта – страм один. И вертится вокруг барыньки молодой щеголь с перетянутой талией – секретарь называется. Барынька к яге не подходит, брезгует, значит. Щеголю на ухо пошепчет, а тот уж все ведьме передает. Да и шепчет-то на языке, который прежде немецким назвали, а теперь франсе зовут. Думает, яга не понимает. Думает, яга только то, что на русском ей секретарь говорит, понимает. Да не на такую напали! Все старуха смекает, все соображает. Соображает, что беда у барыньки обычная – муж ее не любит и по чужим аманткам бегаёт. Соображает, что можно бы и помочь, а с другой стороны, тянет ягу сыграть шутку и над барынькой, и над мужем ее разлюбезным.

– Что ж, -говорит яга, – могу помочь я твоему горю. Вот тебе пузырек с каплями. Каждый день выпивай перед зав-

траком три капли, разведенные в стакане неснятых сливок. А еще придерживайся особой диеты. И вернется к тебе муж, еще в ногах валяться будет. — А диету всю секретарю в подробности пересказала, и тот ее в блокнотике карандашиком записал.

Что дальше было, того избушка сама не видела. Но баба-яга все ей поведала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.